

Еще несколько поправок и комментариев к чтениям берестяных грамот

Д. В. СИЧИНАВА

В статье предлагается ряд поправок и комментариев к чтениям опубликованных берестяных грамот. Разобрано 16 грамот (15 из Новгорода и грамота из белорусского Мстиславля). В частности, рассмотрено несколько малоизвестных лингвистических явлений, впервые выявленных в корпусе берестяных грамот: вариант огласовки корня в слове *першень* (= *поршень*, грамота № 56), вариант исхода основы в глаголе *-мысляти* вместо *-мышляти* (грамота № 470), упрощение *звести* < *взвести* (грамота № 531). Предложены также новые интерпретации к ряду проблемных мест в берестяных грамотах.

Some further addenda et corrigenda to birchbark letters.

DMITRI V. SITCHINAVA

This paper proposes various *addenda et corrigenda* to sixteen birchbark letters (fifteen from Novgorod and the only known letter from Mstislavl' / Mscislaŭ, Belarus). In particular, I highlight some understudied linguistic phenomena, such as variant vowels in *peršen'* (= *poršen'*, a kind of footwear, letter 56); *-s-* instead of *-š-* (**-slj-*) in the verbal stem *-mysljati*, 'think, take care' (letter 470); and the treatment of a consonant cluster in the verb *zvesti* < *vzvesti*, 'indict' (letter 531). I also propose new interpretations of some problematic passages.

<https://doi.org/10.22394/978-5-85006-504-1-14>.

Промежуточным итогом постоянно ведущейся работы (занятий, как сказал бы Андрей Анатольевич) по перечтению и комментированию ранее найденных и опубликованных берестяных грамот стала статья Попр.-XIII предв. Со временем пополненная и уточненная версия этой работы войдет в 13-й том «Новгородских грамот на бересте». Конечно, хотелось бы напомнить, что помимо вклада титульных авторов (уважаемого юбиляра и моего) эта статья была бы невозможна без идей и версий коллег, которые мы с благодарностью учитываем. В качестве юбилейного подарка Алексею Алексеевичу Гиппиусу я предлагаю замечания и исправления, появившиеся уже после выхода этой статьи. Некоторая часть их носит дискуссионный характер, в таком случае максимально подробно излагаются аргументы «за» и «против» разных версий. Я благодарен Савве Михайловичу Михееву, который внимательно прочел статью и предложил ряд очень важных уточнений. Ответственность за слабые места изложенных в статье гипотез несу только я.

Подача предлагаемых поправок — такая же, как в Попр.-XIII предв. После номера и даты указана статья ДНД, если грамота туда вошла, а в противном случае другие наиболее полные публикации. Читателям также рекомендуется для изучения истории вопроса и верификации чтений по фотографиям обращаться к сайту gramoty.ru.

№ 56 (2-я треть XIII в.; В 41)

В ДНД: 518 дается чтение второй строки [под]ошьви [п]ерь[де]... В Попр.-XIII предв.: 183 указано, что на фотографии следы буквы после [п]ерь не похожи на *д* (в тексте статьи опечатка — «на *δ*»), и этот символ следует исключить из транскрипции. Добавим, что больше всего эти остатки буквы напоминают *ш*. Следующая буква — *с* или *е*. Вероятна реконструкция [п]ерь[ше](н...); в контексте слова *подошьва* и упоминания локтей ткани (*водомага* — описка вместо *водомага*) в предыдущей строке здесь следует видеть вариант слова *поршень* ‘простая кожаная обувь’. Возможен ли такой вариант лингвистически? Полагаю, что да. Этимология слова *поршень* ‘обувь’ дискуссионна (ср. Фасмер III: 337, с учетом дополнений О. Н. Трубачева), предлагалась связь

с диалектным *порхлый* ‘рыхлый, мягкий’, а для слова *поршень* ‘деталь механизма’ — связь с *порхать*. С другой стороны, в говорах и в других славянских языках отмечена вариативность огласовки **ryx-* / **ryx-* / **porx-* в обозначениях болезней, связанных с шелушением кожи; сюда же относятся в конечном счете как общеславянские обозначения рыхлых, сыпучих веществ **prstь*, **porxь*, так и глагол *порхать* (Меркулова 1972: 152–155). Грамоту можно представить так:

...N[Г :] водо~~мо~~ла локо(т)- ...
 ... [под]ошвы [п]ерь[ше](н)- ...

‘водмола локоть (или: столько-то локтей)... подошвы, поршни...’

№ 131 (вторая половина XIV в.; Г 69)

Фраза *а во Шугь ни лидиь ни ловоу* ‘а в Шуге ни людей (?), ни лова’ (лучше, впрочем, в этой грамоте и в № 481 переводить *ловь* на современный язык как ‘улов’) находит параллель в грамоте № 140 (начало XIII в.): *ни во л<г>с<гь> лова* ‘и в лесу нет охоты’ (эта параллель не указана в публикации грамоты № 140: Гиппиус 2022: 14–15). *Лидиь* — описка вместо *людий* или *лодий*. Первый вариант и ранее признавался более вероятным, но грамота № 140 и ее аналоги в актах (там же), где речь идет об упадке охоты и рыболовства из-за нехватки людей, позволяет выбрать его с большей уверенностью.

№ 372 (70-е — нач. 80-х гг. XIV в.; Г 87)

... [ос]подине сино не ...
 а нъинеце осподине наб(олиса) ...
 -[оц]и -- зан[е]ж[е] ...

В конце первой из приведенных строк после *сино не* дочитывается буква *г* (менее вероятно — широкое *п*). Возможно, это просьба проконтролировать, чтобы сено (фураж) не испортилось. Глагол мог быть *гнити* или *погынуги*. Для первого варианта ср. обнаруженную неподалеку от той же усадьбы в слоях того же времени крестьянскую челобитную № 361: *Покеди, гнѣ, по свою верешь, датъ, гнѣ, не гнею, а нъинеца юсме, гнѣ, погибли: верешь позабла, съяти, гнѣ, не чего, а кести тако же не чего*. Для второго варианта ср. (с)[е] *погибло сено оу Дорофеа* в грамоте № 416.

В последней строке перед *оци* уверенно читается *р*, после *оци* видны верхушки от широкого *м* или от *ла*, далее, возможно, был

еще один знак перед *зан[е]ж[е]*, от которого видна вертикаль (А. А. Зализняк дает после *оци* два прочерка).

Возможна реконструкция *наб(олиса п)|роци[мь]* ‘позаботься о другом, об остальном, о следующем по порядку’ (см. СлРЯ XI–XVII 20: 286), синтаксически уместная (ср. управление творительным падежом у этого глагола в грамоте № 385) и предполагающая минимальный объем лакун. К контексту она тоже подходит неплохо: челобитчики обсуждают сено, после чего с отдельной аргументацией просят, чтобы господин занялся чем-то еще. Из-за вертикали, видной на последней позиции, нужно предполагать мягкое окончание *-мь*, что в XIV в. уже редкость.

Другой вариант — реконструировать очередной пример хорошо известного в Новгороде имени (*Д*)|роци[ла], контекст которого гораздо менее очевиден (между ним и союзом *занеже* могло быть *и*, может быть, записанное как *i*: такое сочетание союзов редко, но встречается; прочесть Тв. ед. *Дроцилоу / -ои*, кажется, нельзя). Во второй половине XIV в. имя *Дрочила* еще было в Новгороде в ходу, как видно по грамоте ГВНП: 163, № 106. В берестяных грамотах другие примеры этого имени также приходятся на конец XIII или XIV век.

Д. С. Крылов обнаружил, что в конце первой сохранившейся строки (над первой строкой ныне прочитанного текста) уверенно читается *дв*. Добавим, что левее этих букв, по-видимому, усматривается [*ъи*] — что-то вроде *новъи дворъ*, хотя вариантов тут может быть много.

Итоговое чтение фрагмента таково (с реконструкцией *процимь*, в которой нет уверенности):

... [ъи] дв...
 ... [ос]подинє сино не ...
 а нынєце осподинє наб(олиса п)ꝛ
 роци[мь] зан[е]ж[е] ...

‘... [чтобы], господин, сено не [сгнило (или: пропало)]. А теперь, господин, позаботься об остальном (?), потому что ...’

№ 379 (60-е — 90-е гг. XII в.; Б 132)

Имя *Тугорадъ*, прочтенное в этой грамоте в Попр.-XIII предв.: 202, косвенно засвидетельствовано в хорватском документе 1299 г. из Загреба в форме патронима, транслитерированного сербским исследователем как *Тугорај* (Лома 1998: 73).

№ 431 (конец XII в.; Б 132)

Надпись на берестяном поплавке: *Или|и·на* (точка дана в издании, но не попала в транскрипцию ДНД). В Попр.-XIII предв.: 20б я указываю: «существительное женского рода может быть не только *улица*, но и, например, *уда*». Добавим сюда еще надпись на новгородском деревянном поплавке конца XIV в. *Матфѣ|ва* (Янин 1993: 117; ДНД: 758). Непосредственно в надписях на новгородском рыболовном инвентаре засвидетельствовано одно существительное женского рода — *лѣса* (*лѣса камѣна* на каменном грузиле предположительно XV в., найденном в 1996 г. на Троицком раскопе; не опубликовано, сообщено С. М. Михеевым).

№ 470 (кон. XIV — нач. XV в.; Г 87)

В издании грамота интерпретации не получила. Примыкает к комплексу крестьянских челобитных Михайловского раскопа. В ДНД: 64о дана следующая транскрипция:

...цю Остаѣ
 ...елаѣ ключѣ
 ... (в ц)ерковѣ · постаѣ
 (в)... ... [живе] ту

Судя по фото, во второй строке не *...елаѣ*, а *...слаѣ*. Такой исход слова интересен лингвистически: перед нами какой-то глагол на *-мышляти* (*замышляти*, *помышляти*, *промышляти*), однако с *с* на месте *ш*. Ср. *зане бѣ почаль замыслати рать Дѣдвичь Изаславѣ* в переписанной на северо-западе (согласно многим исследователям, в Новгороде: см. Кибинь 2022: 303) Ипатьевской летописи (в Хлебниковском списке — *замышляти*) (ПСРЛ 2: 481), аналогично в Новгородской Карамзинской летописи: *помысляют* (ПСРЛ 42: 156), для Строевского списка Псковской третьей летописи такие двусторонние смещения (где они присутствуют на фоне более общего смещения *с* и *ш*) отдельно собраны С. Л. Николаевым (2005: 108). Подобные варианты связаны с северо-западной диалектной реализацией шипящих или даже представляют собой сохранившийся в этой зоне архаизм. На бересте такой рефлекс исконного **slj* встречается впервые.

В целом наиболее вероятная реконструкция содержания грамоты — отчет феодалу (от его отчества сохранилось *...цю*) о действиях ключника, «промышляющего» в имении. Отчет отправлен прямо с места (*ту*). Судя по тому, что действия ключника излагаются в третьем лице, это может быть крестьянская жалоба.

Оставь(я) может быть именем как ключника, так и челобитчика. Каков контекст слова *церковь* (реконструкция А. А. Зализняка (*въ ц)ерковь поста(в)*... кажется ненадежной), кто «живет тут» — все это допускает несколько трактовок. Отметим, что в ходе своих хозяйственных поездок управляющий вполне мог незапланированно задерживаться в селе надолго, см. берестяную грамоту № 1126 того же времени с просьбой прислать палатку (Гиппиус 2021: 72–75).

Уточненная транскрипция с наиболее вероятными конъектурами (перевода не даем из-за неоднозначности реконструкции и связности синтагм):

... (ви)цю остаѡѣ
 (я) ... (мы)слакя клю-цѣ
 (никъ) ... (ц)ерковъ · постаѣ
 ... [живе] ту

№ 478 (40-е — нач. 50-х гг. XIV в.; Г 39)

Сохранились последние четыре строки письма и низы нескольких букв из предыдущей строки. В ДНД текст грамоты дан так:

... (ку)ѣ
 нѣ оу рашка · аже не боуѣ
 де кунъ оу рашка · коупи
 своими кунами колушк[ю]
 шапоцнику

Конъектура (*ку*) предложена уже первыми издателями. Впрочем, как минимум букву *у* можно давать без скобок: длинный хвост от нее сохранился на самом краю листа. Было ли написано *кун-* (как этот корень изображен дважды в хорошо сохранившемся тексте) или *коун-*, неясно (более вероятно первое). Левее в той же строке по низам букв читается с полной уверенностью *p---усо*. Может быть, в тексте стояло ...*у со[ли]*, [*а к*]у|нѣ... Отрезок, кончающийся на *p---у*, может быть окончанием В. ед. названия меры соли (теоретически подходит (*четыре*)*p[етк]у*, ср. такой вариант этого слова в грамоте № 521, но в четвертях соль не измерялась; слово *рогожу* могло быть только с опиской) или названия предыдущего товара, либо же окончание Д. ед. имени человека, которому надо купить соль, скажем, (*Селиве*)*p[етк]у*. Далее, в этой грамоте нет (как и, скажем, в № 246, для которой это установлено в Попр.-XII: 216) смешения *ш* и *щ*; как указал Д. С. Крылов, ниже буквы *ш* в первом вхождении имени *Рашка*, несомненно, не хвост от буквы, а косая царапина.

А. А. Зализняк предложил вместо чтения издателей *колушкѣ* читать *колушк[ю]*, отметив, что это место остается темным (Попр.-VIII: 210). В словоуказателе к берестяным грамотам отмечено, что проблемная словоформа принадлежит неизвестной лексеме (имени нарицательному или собственному) в форме Д. ед. или В. ед., соответственно указаны два варианта для последней буквы, причем *ю* признано более вероятным (ДНД: 748). В версии с *ѣ*, таким образом, речь идет о орфографически неуместном употреблении этой буквы (вместо ятя или заменяющего его *е*), а в версии с *ю* (вместо *у*) — об ошибочной передаче мягкости заднеязычного. Обе ошибки очень необычны, по крайней мере для XIV в. С моей точки зрения, очертания спорной буквы неоднозначны и не могут считаться законченным *ю* или *ѣ*. По-видимому, речь идет о неаккуратно написанном *и*, изогнутость правой части которого либо просто вызвана неудобством хода писала на краю обрезанного листа, либо (так считает Д. С. Крылов) представляет собой все же часть кольца от начатого по ошибке *ю*, которую автор перечеркнул, так что получилось все то же *и*.

Судя по слову *[к]у[и]ль*, в идиолекте автора форма И. В. мн. жен. имела окончание *-ль*, и он использовал для записи соответствующего звука именно эту букву. Таким образом, при чтении *колушк[и]* или *Колушк[и]* надо допустить, что *и* вместо *ль* (и / или в функции В. мн. муж. после *к*, где оно может происходить и из искомого *-ы*) для автора было тоже возможно: впрочем, такая вариативность в передаче ятя в поздних грамотах — не редкость. Если это форма В. мн., речь может идти о покупке для шапочника *колушковъ* (диминутив от *коль*), это мог быть *terminus technicus* для каких-нибудь инструментов шапочника типа болванок. Вариант *колушек* наряду с нормативным в современном языке *кольшек* существовал в литературных текстах еще в XIX в., см. также СРНГ 14: 202. Версию, исходящую из слова *колушка* ‘рыба колюшка’ (там же) можно, видимо, не рассматривать: это очень мелкая рыба, не имеющая хозяйственного значения, едва ли такая сделка была возможной.

Если это форма Д. ед., то это имя собственное шапочника *Колушка* (вероятно, = *Колужка*, диминутив от прозвища *Колуга* — ср. такую запись названия Калуги в документах XV в.); как вариант С. М. Михеев предложил гаплографию вместо *кунами* (*Ми*)*колушк[и]*. При первой версии трудность заключается в том, что простой деревянный инвентарь средневековые ремесленники скорее всего делали сами, при второй версии — в том, что при изменении источника средств меняется контрагент, но не меняется или не указан товар (ср. высвечивающий эту проблему

перевод: «Если у Рашка не найдется денег, купи что-то шапочнику Колушке за свои деньги» — Янин 1998: 234).

Уточненный текст (реконструкция *со[ли]* гипотетична):

...р---у со[ли] (а) [к]уѣ
 нѣ оу рашка · аже не боуѣ
 де кунѣ оу рашка · купи
 своими кунами колушк[и]
 шапоцникуоу

‘... [купи] ... соли (?), а деньги у Рашка. Если у Рашка не окажется денег, купи за свои деньги колышки шапочнику (вариант: купи за свои деньги [не указано что] шапочнику Колушке [или: Миколушке])’.

№ 507 (посл. четв. XII — 10-е гг. XIII в.; Б 141)

После привлечения дополнительных литературных параллелей (Сичинава, *в печати*) в грамоте удалось прочитать название еще одного греха. В правой части третьей строки частично видны верхние элементы еще нескольких букв; для них можно предложить вероятную реконструкцию *(рѣ)[зоѣ](м)а[н](иѣ)*. Если это так, то между словами *навѣт-* и *(рѣ)[зоѣ](м)а[н](иѣ)* есть место только для 4–5 букв, и находившееся на этой позиции в книжной параллели слово *злопомнение* (или *злопоминание*, как этот грех называется в берестяной грамоте № 17 из Торжка) не помещается. Поэтому приходится предполагать, что здесь было какое-то более короткое слово: либо *гнѣвъ*, либо же представленное в каталогах грехов той же традиции *сварѣ* (*свары*).

№ 523 (50-е гг. XII — 10-е гг. XIII в.; Б 141)

Фрагментик документа, примыкающего к комплексу списков поминаний и / или заказов на иконы с усадьбы Олисея Гречина, транскрибируется в ДНД как ...бѣ · хръстина ... Но вряд ли какое-то имя или другое слово может заканчиваться на *бѣ* в этом контексте. Полагаю, обе эти буквы интерпретированы неверно: первая — не *б*, а *ь* (несколько иной формы, чем в *Хръстина*), пересеченный длинной трещиной, а вторая — не *ѣ*, а *ѣ*. Ключ к этой последовательности дает грамота № 522, где в списке имен тоже фигурирует Христина. Эта грамота написана похожим почерком (хотя и не в точности тем же, как предполагали издатели; см. в Попр.-Х: 112). В ней есть сочетание *мариа гѣ*, т. е. «Мария три раза». В № 523, таким образом,

было записано что-то вроде *Лазорь 2, Хръстина* (присутствует ли вторая точка и / или титло, нужно дополнительно проверить по оригиналу).

№ 531 (первое 20-летие XIII в.; Б 98)

Сочетание *слово звело* в ДНД: 417 объясняется гаплографией вместо *слово возвело*. Возможно, однако, и фонетическое упрощение (вместо *взвель* < *възвель*, аналогично *спросить* < *въспросити*, также *Здвиженье* и т. п.). Ср. в прямом значении: *зведоша на съни* в Архивском списке Новгородской второй летописи (ПСРЛ 30: 198, список XVI в.); или в том же переносном значении: *а звель на насъ холопей твоихъ тотъ Иванъ ложно* (РИБ 8: 447, № XXV, 1627 г.). При такой трактовке это третий пример фонетических изменений, «выдающий» падение редуцированных в идиолекте Анны, помимо *браце, съызветомо* (см. о таком эффекте Гиппиус 2020: 24–25, где разбирается и грамота № 531). В докладе А. А. Гиппиуса о грамоте № 531 на семинаре В. М. Живова в мае 2002 г. приводилась содержательная параллель с такой же точно записью сочетания *слово звезду* из якутских дел 1640 г. (СлРЯ XI–XVII 25: 104). Отметим, что применительно к этому последнему примеру гипотеза о гаплографии проходит только при чтении *возведу*, а не *взведу*, и является избыточной ввиду засвидетельствованного *звель* в тюменском акте 1627 г., где гаплографии нет. Впрочем, не исключено, что контекст тут действительно играет роль — но не графический, а фонетический: положение после слога с согласным [в] могло дополнительно способствовать упрощению этого сочетания ([взовзв] > [взов]), как в XIII, так и в XVII в.

№ 539 (2 пол. XIV в.; Г 87)

Фрагмент долгового списка. В начале второй строки перед *гривна* последовательность *мхомъ*, не получившая интерпретации и не включенная в указатель к ДНД. После находки в 2022 г. грамоты № 1146, где в одной из долговых записей указано *на Смонкъ на Захарынь [за] Мхомъ полътора рубля*¹, очевидно, что и в № 539 у одного из должников в качестве адреса указан тот же топоним (*за*) *Мхомъ*, отождествленный А. А. Гиппиусом при комментировании № 1146 с распространенным географическим названием *Замошье*.

1. На момент сдачи статьи в печать данная грамота еще не была опубликована.

№ 546 (1190-е — нач. 1210-х гг.; Б 93)

Ярлычок с именем знаменитого Олисея Гречина. В ДНД дается как *Грицьнь* (И. ед. от имени; о диалектном рефлексе [и] в первом слове см. ДНД: 40б), где *ь* вместо второго *и* трактуется просто как случайная ошибка. Судя по фотографии, у последнего знака нет однозначно определяемого штриха-отворота, и лучше его трактовать не как *ь*, а тоже как *ь* (без покрытия, в отличие от первого). Это дает мотивацию ошибки (предвосхищение гласного) и иную трактовку окончания (новгородский И. ед. <-e> или притяжательное <-ь>).

№ 611 (конец XIV в.; НГБ VIII: 74)

Параллель с берестяной грамотой № 949, которая начинается с просьбы *что бы ма есте жаловаль про свою коунь*, подсказывает расширение предложенной мной реконструкции (Попр.-XIII предв.: 213–214) с сохранением длины лагун в каждой строке: *пожа(ловаль бы е)си ме(не в свою ку)нь* (надо предполагать вместо *про* более короткий предлог; вместо *свою* могло быть и *твою*). В 10-й строке после *тича* можно дочитать *с*: ...|*ти час...* (вероятно, с формой существительного *часть*).

№ 1073 (XIII в.; Гиппиус, Зализняк 2016: 15)

Описка *Граврили* вместо *Гаврили*, позволившая истолковать также *Гравриа* 503 как ошибку вместо *Гавриа*, не ограничивается берестяной письменностью. Видимо, за предвосхищением в этой позиции стоит определенный психолингвистический механизм. Эта погрешность встретилась дважды в текстах, включенных в старорусский подкорпус НКРЯ: *Граврилку Иванову* (РИБ 18/1: 441, № XXXIII: 2, 1634 г.) (как отметил С. М. Михеев, в этом тексте выше представлены имена *Григорью*, *Григорьеву* и *Гришке*), а в наказной *памети написано бѣтто Гаврила Веревькина, пишеш ты заочно и рѣкѣ прикладываеш не по Гравриловѣ вельню* (Грамотки 1969: 62, № 61, конец XVII — нач. XVIII в.). Такая опечатка нередка и в современных текстах (ср. поиск в Интернете, в том числе в Google Books, по *Граврилов*).

№ 1077 (XIV в.; Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017: 10)

С отчеством *Шадринь* ср. *Шадрино село*, упоминаемое в грамоте № 1 (та же условная дата [1380–1400], оба соответствующих раскопа находятся в Неревском конце недалеко друг от друга).

В публикации не отмечено, что большое нижнее поле делового документа (вероятно, это поле планировалось отрезать, текст завещания отчеркнут) использовалось для пробы пера (точнее, в данном случае писала и / или поверхности бересты), ср. грамоту № 966 (Попр.-XIII предв.: 227–228). Записаны буквы *бв*, отдельно *и* (с поворотом на 60° влево) и ряды штрихов.

№ 1085 (середина XIV в.; Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017: 18)

Текст грамоты представляет собой известную по пергаменным кодексам пробу пера: *покоушаю*. Согласно издателям, «найден также другой фрагмент той же бересты: *на я яко*. По-видимому, это тоже пробы пера, но на этот раз никакой законченной фразы нет — это отдельные слова (возможно, недописанные)».

Слова *на я яко* записаны, что не характерно для древнерусского текста, с пробелами, левее и правее ничего нет. Отметим, что в ряде грамот в составе проб пера выявлены церковнославянские формулы и отдельные слова: (...) *нбѣ* 485, *елико вер(ныхъ)* 966, (*много сгрѣш(ихъ)*) 1089 (Попр.-XIII предв.: 207, 227–228, 234–235). Типологические аналоги, книжная формула *покоушаю* и церковный характер словоформы *яко* подсказывают и тут похожее решение. В любом случае «церковнославянский настрой» писавшего при изготовлении этой части пробы пера высоковероятен, но нет никакой гарантии, что эти три записанные с отступами последовательности букв представляют собой единую цитату из чего-то осмысленного. Как вариант можно предложить Пс. 77: 27, стих, входящий и в Следованную Псалтирь, где читается *и одожди на ня яко прахъ плоти, и яко песокъ морскій птицы пернаты*, но настаивать на этом ни в коем случае не приходится.

Мстиславль 1 (начало XIII в.; Алексеев 1983)

Транскрипция, предлагаемая в статье Л. В. Алексеева, пользовавшегося консультациями Л. П. Жуковской, В. Л. Янина и А. А. Медынцевой (меняем систему обозначений на принятую в современных «берестологических» публикациях):

...[N]ицеполупатъгривн...

...инилосмын...

В статье Л. В. Алексеева (1983: 207) предлагаются конъектуры (*пше*)нице в первой строке и (*кр*)инило Смьн... ‘купил Семен’, с эффектами *ѣ* → *о* и *е* → *ь*, во второй строке. Сразу заметим, что

словоформа **криниль* невозможна: корректный перфект от глагола *крити* выглядит как *криль*. Это ошибка, уже ранее делавшаяся при комментировании новгородской берестяной грамоты № 153, где вместо *крини лосиноу* усматривалось *кринило синоу*, подробнее см. Попр.-X: 88.

После 1983 г. грамота подробно не комментировалась. А. А. Зализняк, пользуясь опубликованной Л. В. Алексеевым фотографией, предложил собственную интерпретацию грамоты, отразившуюся только в словоуказателе к ДНД. Грамматическую форму слова *полу* он считал неопределенной (ДНД: 782), далее усматривал не *пать*, а словоформу Р. ед. *паты* 'пятой', с необозначением мягкости губного (там же: 790; этот пример приведен и в основном тексте монографии, там же: 79), а затем фрагмент словоформы со значением 'гривна' в неясной форме (там же: 728). Во второй строке Зализняк радикально изменил интерпретацию Алексеева, прочитав числительное *осм[ь на д]*... (там же: 772).

Белорусские коллеги из Могилевского областного краеведческого музея им. Е. Р. Романова любезно предоставили для размещения в базе данных *gramoty.ru* новую цифровую фотографию грамоты.

Выше первой строки следов букв из предыдущей строки нет. Спорная буква после *пат* в первой строке, скорее всего, действительно [ʙ], с небольшим «молоточком», низ которого почти касается треугольной петли. Полагаю, что после *н* буквы не было (отступ достаточно велик), а правый край грамоты исконный, т. е. была записана форма Р. ед. *гривн* без окончания: такое сокращение для названия денежной единицы возможно. Во второй строке дочитывается по верхушкам больше букв, чем у А. А. Зализняка: *осмь н[а десате]*, с характерными для этого почерка косыми штрихами сверху букв *е* (и, аналогично, *с*). При такой интерпретации перед новым словом *осмь* уже не может идти буква *л*; судя по конфигурации отломившегося кусочка бересты, это *а*. Реконструкция глагола *крити* (в форме императива: (*кр*)иш[и а]) по-прежнему возможна, но остается одной из многих, поскольку, в частности, второе частично сохранившееся [и] может быть и [и]. Допустим, в частности, вариант с Р. ед. существительного типа (*оу Кснат*)иш[ца], что, учитывая обычную структуру денежных реестров на бересте, даже слегка предпочтительнее. В этом случае текст грамоты на слове *десате* теоретически мог и заканчиваться, даже без подразумеваемого существительного (вероятно, *кунь*).

Форма *полу*, судя по отсутствию предлога, относится к Р., а не М. ед., скорее всего она синтаксически связана с отрица-

нием (ср. *a ne присълеши ми полоу платы гривъны* в грамоте № 246, найденной в Новгороде, но предположительно полоцкого происхождения), а ...*нице* (*ъ* → *e*) — конечная часть какого-то косвенного дополнения. Например, возможна вольная реконструкция *не взято на абетнице* (ср. *на отроке* ‘при взыскании долга через отрока’ в новгородской берестяной грамоте № 241) или, с использованием конъектуры Л. В. Алексеева, ... *на* (стольких-то) *возехъ пшенице* или что-то подобное. Надо предполагать, что левая утраченная часть грамоты была достаточно большой. Содержательно перед нами список долгов или выплат (возможно, налоговых, учитывая указанные в статье Л. В. Алексева суммы податей, взимаемых в ту эпоху в Смоленском княжестве).

Текст грамоты можно представить так (с оговоркой о неоднозначности чтения третьего знака во второй строке):

...нице полу пат[ъ] гривн
 ...ин[ца] осмь н[а] десатѣ
 (...)

‘[не взято (?)] ... четырех с половиной гривен... [у такого-то[(?)] восемнадцать’.

Список литературы

- Алексеев 1983 — Л. В. Алексеев. Берестяная грамота из древнего Мстиславля // Советская археология. 1983. № 1. С. 204–212.
- Гиппиус 2020 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // ВЯ. 2020. № 5. С. 22–37.
- Гиппиус 2021 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. // ВЯ. 2021. № 5. С. 66–92.
- Гиппиус 2022 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2021 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // ВЯ. 2022. № 6. С. 7–20.
- Гиппиус, Зализняк 2016 — А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. // ВЯ. 2016. № 4. С. 7–17.
- Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017 — А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк, Е. В. Торопова. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // ВЯ. 2017. № 4. С. 7–24.
- Грамотки 1969 — Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969.
- Кибинь 2022 — А. С. Кибинь. Радзивилловская летопись: о месте и времени создания иллюстраций Повести временных лет. М., 2022.
- Лома 1998 — А. Лома. *Туз* // Этимолошки речник српског језика. Огледна свеска. Београд, 1998. С. 73.
- Меркулова 1972 — В. А. Меркулова. Народные названия болезней, II: На материале русского языка // Этимология. 1970. М., 1972. С. 143–206.

- Николаев 2005 — С. Л. Николаев. Рефлексы *s (*z), *š (*ž) и *sj (*zj) в псковских говорах и в двух псковских рукописях XV–XVI вв. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6: Славянская диалектология и история языка. М., 2005. С. 94–112.
- Попр.-VIII — А. А. Зализняк. Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот // НГБ VIII. С. 181–217.
- Попр.-X — А. А. Зализняк. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // НГБ X. С. 82–122.
- Попр.-XII — А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // НГБ XII. С. 195–275.
- Попр.-XIII предв. — А. А. Гиппиус, Д. В. Сичинава. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // РЯНО. 2021. № 2. С. 178–259.
- Сичинава, *в печати* — Д. В. Сичинава. Новгородская берестяная грамота № 507 — древнейший список древнерусского толкования на «Отче наш» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. (В печати.)
- Янин 1993 — В. Л. Янин. Владельческие надписи на бытовых предметах // НГБ IX. С. 112–122.
- Янин 1998 — В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1998.